

В. П. Мотрович

КЛАДБИЩА ВОЕННОПЛЕННЫХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

После Второй мировой войны на территории России остались захоронения военнослужащих многих иностранных армий, воевавших против Советского Союза в 1939–1945 гг. Проблема иностранных воинских захоронений на территории нашей страны — новая и практически неизученная проблема. Только в 1990-х гг., в условиях ослабления международной напряженности, усилившейся тенденции к примирению воевавших в годы Второй мировой войны народов и облегчению доступа к закрытым ранее фондам и целым архивам стали возможными научная разработка данной тематики и практическое использование полученных результатов. Именно поэтому историография проблемы невелика. Среди опубликованных работ в первую очередь следует отметить монографии В.П. Галицкого, В.Б. Конасова и австрийского ученого С. Карнера, содержащие некоторые материалы по данной проблеме¹.

Одновременно начинают издаваться и специальные работы, в которых исследуются вопросы численности и дислокации иностранных воинских захоронений периода Второй мировой войны на территории России, степень их сохранности и современное состояние². Однако число их весьма невелико, что придает новизну и актуальность данной исследовательской проблематике.

На протяжении 1950–1980-х гг. статус иностранных воинских захоронений на территории нашей страны был достаточно неопределенным и регламентировался только положениями Женевской конвенции 1949 г. В соответствии с конвенцией подписавшие ее страны, в том числе и СССР, обязывались обеспечить сохранность и уход за находившимися на их территории воинскими захоронениями. Однако сложившаяся ситуация отнюдь не способствовала улучшению взаимопонимания с данными государствами, что стало особенно заметно на рубеже 1980–1990-х гг. Весьма настойчиво требовали информацию о состоянии мест захоронений и десятки тысяч граждан многих иностранных государств, чьи родственники погибли в России.

В результате Советский Союз, а впоследствии Российская Федерация подписали со всеми этими странами (за исключением Румынии) соглашения о статусе воинских захоронений. Так, 18 апреля 1991 г. было заключено соглашение с Японией, 23 апреля 1991 г. — с Итальянской Республикой, 11 июля 1992 г. — с Финляндской Республикой, 16 декабря 1992 г. — с Федеративной Республикой Германией, 13 февраля 1995 г. — со Словацкой Республикой, 6 марта 1995 г. — с Венгерской Республикой³.

В соответствии с соглашением с Японией наша страна обязалась предоставить другой стороне списки умерших в СССР японцев и сведения о дислокации мест их захоронений, содержать эти места в надлежащем порядке и оказывать содействие в установке памятных знаков и посещениях кладбищ. В свою очередь Япония обязалась в случае необходимости эксгумировать и отправлять на родину останки японских военнослужащих, а также содержать в надлежащем порядке российские захоронения на территории своей страны. Согласно соглашению с Италией наша страна взяла обязательство предоставить информацию о захоронениях военнослужащих итальянской армии на территории Советского Союза и освободить от таможенных пошлин материалы, ввозимые для обустройства захоронений. В свою очередь Итальянская Республика обязалась предоставлять нашей стране информацию о советских воинских захоронениях в Италии, обеспечить за свой счет установку памятных знаков и уход за ними на советских воинских захоронениях в Италии и на итальянских — в Советском Союзе⁴.

В соответствии с соглашениями с Германией, Словакией и Венгрией российская сторона обязалась безвозмездно предоставить им земельные участки под воинские захоронения, обеспечить их сохранность и освободить от таможенных пошлин. В свою очередь данные государства обязались обеспечить сохранность российских военных могил на своей территории и взяли на себя расходы по благоустройству своих военных кладбищ в России. Таким образом, в соответствии с данными соглашениями российская сторона обязана предоставить зарубежным партнерам информацию о нахождении и состоянии захоронений военнослужащих их армий, а также должна оказывать необходимое содействие в проведении благоустроительных работ. В результате проблема иностранных воинских захоронений в России получила не только научное, но политическое и гуманистическое звучание, что весьма значимо в условиях возврата нашей страны к восприятию многих общечеловеческих ценностей.

Для обеспечения практической реализации вышеуказанных соглашений в ноябре 1991 г. Министерством обороны СССР совместно с Министерством обороны Итальянской Республики в Москве была создана специальная структура — ассоциация международного военномемориального сотрудничества «Военные мемориалы». По своему юри-

дическому статусу эта организация является товариществом с ограниченной ответственностью и ставит своей задачей организацию поиска и учета иностранных воинских захоронений, подготовку информации о погребениях и персональном составе погибших, обеспечение благоустройства мест захоронений как советских, так и иностранных военнослужащих, осуществление контроля за состоянием воинских захоронений.

Постановлением Правительства РФ от 13 января 1995 г. № 33 «О мерах по реализации межправительственных соглашений и об обеспечении сохранности и порядка содержания российских (советских) воинских захоронений за рубежом и иностранных воинских захоронений в Российской Федерации» органам исполнительной власти субъектов РФ поручалось определить земельные участки, занятые под иностранными захоронениями, взять их на учет и обеспечить предоставление в постоянное пользование (с освобождением от платы за землю в установленном порядке) этих участков организациям, уполномоченным Правительством России на реализацию вышеуказанных соглашений⁵.

С конца 1980-х—начала 1990-х гг. интенсивные работы по выявлению архивных документов, установлению мест захоронений иностранных граждан, обеспечению их сохранности и последующего благоустройства стали проводиться и на территории субъектов РФ, в первую очередь в Свердловской и Тамбовской областях. На основе выявленных автором данной публикации архивных документов 5 августа 1991 г., т. е. еще до создания в г. Москве ассоциации «Военные мемориалы», было принято решение Свердловского облисполкома № 397 «Об организации работ по выявлению документальных материалов и мест захоронений советских и иностранных граждан, репрессированных в 1930–1950-е годы и военнопленных Второй мировой войны» и создана специальная рабочая группа⁶. В соответствии с распоряжением правительства Свердловской области от 26 июня 1992 г. № 197-рп «Об установлении мест захоронений иностранных граждан» администрации городов и районов, на территории которых имелись захоронения иностранных граждан, должны были провести их учет и для обеспечения сохранности перевести в категорию земель историко-культурного назначения⁷.

Решением Малого совета Свердловского облсовета от 14 апреля 1993 г. № 17/17 занятые под захоронениями земли были отнесены к категории земель с особым правовым статусом и не подлежали приватизации⁸. Постановлением главы администрации Свердловской области от 10 ноября 1994 г. № 546 «Об утверждении программы подготовки и проведении празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» администрациям городов и районов области было поручено организовать работу по наведению порядка в местах захоронения немецких военнопленных⁹. Таким образом, в первой половине 1990-х гг. в

Центре и в отдельных регионах страны постепенно формировалась нормативная база, позволяющая приступить к осуществлению поиска и благоустройству иностранных воинских захоронений в нашей стране.

Практическому решению данной проблемы способствовали и сохранившиеся в отечественных архивах документальные материалы. Главным хранителем информации по проблеме нахождения в СССР военнопленных Второй мировой войны являлся Центр хранения историко-документальных коллекций (бывший Особый архив, а ныне РГВА). В фондах архива по данной проблеме сохранился крупный массив документальных материалов, среди которых можно выделить следующие: формуляры лагерей для военнопленных, отчеты лагерной администрации, справки отдела трудового использования, документы отделов по антифашистской борьбе и антифашистских школах¹⁰. Имеется много свидетельств о зверствах немецко-фашистских войск на временно оккупированной территории Советского Союза, а также множество благодарственных писем от военнопленных в адрес И.В. Сталина¹¹. В архивах хранятся литературные произведения военнопленных, фотоальбомы об их жизни в плену, многочисленные воспоминания о пребывании в нашей стране¹². Материалы подобраны отдельно по немцам, австрийцам, голландцам, французам, японцам и т. д.¹³. На всех военнопленных сохранились личные дела и учетные карточки¹⁴. Учетные карточки сосредоточены в специальном алфавитном каталоге, среди них особо выделим картошку на оказавшихся в советском плену генералов иностранных армий.

В архивах весьма ценные и подробные материалы сохранились и по захоронениям военнопленных иностранных армий, а также интернированных из стран Восточной Европы в СССР гражданских лиц. Следует отметить, что в начальный период Великой Отечественной войны учет плененных Красной армией и впоследствии умерших иностранных военнослужащих органами НКВД велся беспорядочно. Правда, и пленных было совсем немного, первые крупные контингенты их появились в Советском Союзе только после Сталинградской битвы. Поэтому летом 1943 г. органы ГУПВИ НКВД СССР начинают принимать меры по упорядочению оформления документов персонального учета на умерших в плену, а с осени 1944 г. производят плановую организацию мест захоронений умерших военнопленных и оформление соответствующей документации¹⁵.

Учет умерших военнопленных осуществлялся путем записи в кладбищенской книге, которая о каждом захороненном содержала следующие сведения: фамилия, имя и отчество, год рождения, национальность, воинское звание, дата смерти и дата захоронения, номер могилы и номер квадрата. Кроме того, во многих книгах составляли отдельное приложение, в котором на основании учетных карточек собирались краткие све-

дения об умерших. Они включали сведения о месте рождения и месте жительства до призыва в армию, гражданстве, образовании, гражданской профессии, времени призыва в армию, месте службы и должности, времени и месте пленения¹⁶.

Кроме списков умерших, по каждому кладбищу составлялась и кладбищенская схема. В соответствии с существовавшим порядком территории каждого кладбища разбивалась на квадраты по 25 могил в каждом. Каждый квадрат имел свой номер начиная с первого. Захоронения умерших военнопленных производились в порядке нумерации могил слева направо в соответствии с хронологией смерти. Нумерация могил осуществлялась отдельно для каждого квадрата. На каждой могиле устанавливался опознавательный знак — деревянный кол с прибитой на нем дощечкой. В ряде случаев на могиле устанавливали металлический стержень с приваренной к нему металлической табличкой (кладбища лагеря № 314 в г. Каменске-Уральском, лагеря № 102 в г. Челябинске, спецгоспиталя № 2929 в г. Нижнем Тагиле и др.). На табличке в числителе указывали номер могилы, а в знаменателе — номер квадрата.

Составлялась также кладбищенская схема. Она представляла собой, как правило, сделанный на листе бумаги чертеж в виде прямоугольника. На нем изображались пронумерованные квадраты, в каждом из которых находилось двадцать пять также пронумерованных могил. При этом следует учитывать, что в ряде лагерей, особенно «лесных», разбивку на квадраты не производили и кладбища не огораживали¹⁷. Этот содержащийся в отчетах ГУПВИ факт подтвердили результаты эксгумации останков военнопленных иностранных армий, проводимые нами в 1995–1999 гг. на территории Оренбургской и Свердловской областей. Писать фамилию и имя умерших запрещалось, однако в ряде случаев это не соблюдалось. В частности, проведенная в 1946 г. проверка состояния кладбища военнопленных в г. Новая Ляля Свердловской области показала, что на дощечках вместо номеров указаны имя и фамилии захороненных пленных.

Кладбище организовывали либо на территории самого лагеря, либо в непосредственной близости от него и ограждали колючей проволокой либо деревянным забором. Разрешение на занятие данного участка получали у местных органов власти, но это требование соблюдали далеко не всегда¹⁸. По каждому кладбищу составлялась так называемая «легенда». Она представляла собой схему его расположения на местности с необходимыми привязками и ориентированную по частям света¹⁹.

После ликвидации лагеря, спецгоспиталя или отдельного рабочего батальона его администрация передавала кладбище под надзор местных органов власти, о чем составлялся соответствующий акт. Так, на территории Свердловской области в мае — июне 1949 г. органами МВД было

проверено состояние 88 кладбищ, они были приведены в порядок и переданы под охрану местным Советам²⁰. Кладбищенские схемы и планы, а также списки умерших людей передавали в территориальные отделы МВД, учетные дела умерших вместе с учетными карточками отправляли в Москву в ГУПВИ МВД СССР. Впоследствии они и были сосредоточены в Особом архиве.

На протяжении послевоенных лет, а во многих местах и в 1960–1970-х гг. данные кладбища находились под охраной местных Советов, а также под надзором органов МВД. Сохранились многочисленные справки и акты их осмотров с описанием состояния захоронений на дату проверки. Имеются и материалы хозяйственных служб на местах, которые отвечали за содержание данных захоронений. Среди них сохранились отчеты о состоянии данных кладбищ и затратах на их содержание²¹.

Как уже указывалось, первоначально часть документов об иностранных военнопленных была направлена в Москву, другие хранились на местах. Здесь они оказались разбросанными по различным архивохранилищам. Небольшая часть лагерной документации попала в фонды государственных архивов (в Серовский филиал ГАСО, например). Другие документы (справки о нахождении военнопленных на территории областей, фотоальбомы и другие материалы) оказались в архивах областных управлений ФСБ. В г. Екатеринбурге материалы на необоснованно репрессированных из числа иностранных граждан после их реабилитации переходят в ведение архива административных органов. Однако наиболее информативные материалы по исследуемой проблеме — копии кладбищенских книг, а также акты и справки текущего контроля за состоянием кладбищ — хранились в территориальных органах МВД. В начале 1960-х гг. в соответствии с указанием МВД СССР они были сосредоточены в Москве. Правда, не все. Так, в частности, на хранении в архиве ИЦ УВД Пермской области остались материалы по размещавшемуся в г. Краснокамске в первые послевоенные годы лагерю № 207.

Не были переданы в Особый архив и материалы на осужденных военнопленных. Так, документы по лагерю № 476 МВД СССР для военных преступников, отделения которого располагались в городах Асбест, Дегтярск, Первоуральск и Ревда, и поныне хранятся в архиве ИЦ УВД Свердловской области. Здесь же имеются и копии переданных в Центр кладбищенских книг, но их немного²². Такие же разрозненные материалы по отдельным лагерям и кладбищам военнопленных хранятся и в архиве ИЦ УВД Оренбургской области.

Поскольку основная часть документальных данных о захоронении военнопленных была сосредоточена в Москве и носила гриф «секретно», то местные власти часто и не подозревали о существовании на их территории иностранных воинских кладбищ. Об этом свидетельствует анализ

ответов районных и городских администраций на официальные запросы правительства Свердловской области по данному вопросу. Учитывая, что за время нахождения в плену на территории бывшего СССР умерло 580,5 тыс. военнослужащих иностранных армий и приравненных к ним лиц, данная проблема представляет не только научный, но и практический интерес.

В 1990-х гг. по иностранным воинским кладбищам в стране стал формироваться новый источник сведений. Сотрудниками созданной в Москве ассоциации «Военные мемориалы» стали обследоваться расположенные на территории РФ иностранные воинские кладбища. Финансирование программы обследования осуществляли заинтересованные страны — Венгрия, Италия и в первую очередь Германия. После обнаружения и осмотра иностранного воинского кладбища составляется протокол обследования. Прежде всего в протокол вносятся подробные сведения о месте захоронения. Указывается область и город, а также район, сельсовет и деревня, если кладбище располагается в сельской местности. Указываются размеры захоронения, количество могил и численность захороненных, а также то, к какой армии они принадлежали.

Протокол содержит и много других полезных сведений: указывается, например, сохранились ли на месте кладбища памятные знаки и могильные холмики; выясняется, имеется ли угроза разрушения данного захоронения и находится ли оно под охраной; фиксируются адреса и фамилии очевидцев. В протоколе также составляется схема расположения кладбища с указанием ближайших ориентиров, расстояний и частей света. В случае сохранения могильных холмиков делается и план захоронения. Указывается также дата осмотра кладбища, фамилия, имя и отчество проводившего осмотр и его адрес. Данный источник отличается высокой степенью информативности и позволяет в дальнейшем уже не потерять обнаруженные, часто с огромным трудом, иностранные воинские кладбища на территории РФ.

Обзор сохранившихся материалов по исследуемой проблеме показывает, что, несмотря на их распыленность по различным архивохранилищам страны, они дают возможность комплексно исследовать целый круг проблем, связанных с пребыванием на территории отдельных регионов России военнопленных Второй мировой войны и интернированных иностранных граждан. Массив сохранившихся источников также позволяет и спустя пятьдесят лет после закрытия иностранных воинских захоронений проводить поисковые работы по выявлению их на местности.

Существующие воинские захоронения условно можно разделить на шесть основных типов. Среди них — плановые захоронения (братские или одиночные могилы), санитарные захоронения, боевые захоронения, временные захоронения, мемориальные захоронения и перезахоронения.

Иностранные воинские захоронения в тыловых районах России относятся к первому типу. По составу погребенных иностранные воинские кладбища, как правило, интернациональные. Вместе захоронены австрийцы, венгры, немцы, итальянцы, румыны, словаки, поляки, финны, французы и представители других европейских народов. Исключение составляли японцы: их хоронили на отдельных кладбищах либо выделяли на общих кладбищах специальные участки. Имеются и чисто немецкие, венгерские или румынские воинские кладбища, но таких немного.

В ходе Второй мировой войны и после ее окончания на территории Урала находились военнопленные из состава венгерской, германской, итальянской, румынской, финской и японской армий, а также немцы, интернированные из стран Восточной Европы. Больше всего интернированных и военнопленных было размещено на территории Свердловской области. Географическое положение Урала и необходимость его хозяйственного освоения привели к тому, что на протяжении всей истории его русской колонизации здесь размещали военнопленных иностранных армий. Вначале это были пленные, захваченные в войнах с Речью Посполитой, Швецией и наполеоновской Францией, в начале XX в., в годы Первой мировой войны, здесь находились военнопленные из состава австро-венгерской, германской и турецкой армий. Большинство этих пленных было занято в народном хозяйстве, размещали их среди местных жителей и в случае смерти хоронили на гражданских кладбищах или рядом с ними. На некоторых из них и до настоящего времени сохранились памятники над индивидуальными и братскими захоронениями с надписями на немецком языке (например, в г. Нижняя Салда Свердловской области).

Летом 1945 г. численность находящихся на территории Уральского региона военнопленных и интернированных из стран Восточной Европы гражданских лиц достигала двухсот тысяч человек. Регион имел мощный промышленный потенциал и остро нуждался в дополнительной рабочей силе. Прибывший контингент был достаточно ослаблен, условия пребывания военнопленных, особенно в первое время, были достаточно тяжелыми. В результате количество умерших на Урале только в 1944–1949 гг. иностранных граждан составило свыше тридцати тысяч человек, захоронены они были на 189 специальных кладбищах. Только за эти годы в Свердловской области было захоронено 14 306 человек, Курганской — 687, в Оренбургской — 6 138, в Пермской — 1 442, в Челябинской — 2 220, в Башкирии — 1 331 и в Удмуртии — 4 967 человек²³.

Захоронения военнопленных и интернированных различаются по своим размерам — от одиночных могил до крупных кладбищ в городах Асбест и Нижний Тагил, на каждом из которых было захоронено несколько тысяч человек. Однако большинство кладбищ военнопленных — средние по своим размерам, на них захоронено от 20 до 100 человек.

На кладбищах имеются как индивидуальные, так и братские могилы. Братские захоронения характерны для военных лет, индивидуальные — для послевоенных, когда смертность в лагерях резко сократилась. Были, разумеется, и исключения. Так, в 1945 г. на территории Среднего Урала в лагерях № 84, 231, 313, 504 умерших в результате эпидемии военнопленных хоронили в братских могилах по 5–15 человек в каждой²⁴.

В ходе предпринятой автором данной статьи обработки выявленных в центральных и местных архивах документальных материалов, а также проведения поисковых работ в Курганской области удалось обнаружить три иностранных воинских кладбища, в Оренбургской — 19, в Пермской — также 19, в Свердловской — 93, в Челябинской области — 30 кладбищ. Имеются иностранные воинские захоронения и в уральских автономиях: 11 — в Башкирии и 14 — в Удмуртии. Количество кладбищ постепенно сокращается по направлению с запада на восток. В Кировской области, например, нами было обнаружено 24 иностранных воинских кладбища, в Пермской — 19, а в Тюменской — только два. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке картина меняется, что связано с преимущественным расположением там лагерей для военнопленных из состава японской армии.

Таблица

Дислокация кладбищ интернированных иностранных граждан и военнопленных Второй мировой войны на территории Свердловской области*

№ п п	Расположение мест захоронений	№ лагеря, спец- госпиталя, от- дельного рабоче- го батальона	Всего	В том числе					
				немцев	румын	венгров	итальянцев	финнов	японцев
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Алапаевский район (№ 1–8)									
1.	г. Алапаевск	200	321	99	180	15			1
2.	ст. Бабушкино	200	18	10	8				
3.	пос. Верхняя Синячиха	200	78	63			3		
4.	ст. Задание	523	12	12					
5.	дер. Измоденово	200	149	144		5			
6.	дер. Раскатиха	523	36	20	2				
7.	дер. Рычково	200	33	33					
8.	ст. Хабарчиха	200	32	6	22	3			
9.	г. Артемовский	153	136	115		3			
10.	г. Артемовский	428	6						6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Асбест (№ 11–13)									
11.	г. Асбест	84	1825	1261	137	107	131	63	
12.	пос. Изумруд	84	153	54		75			
13.	г. Асбест	476	46	39	4	1			
Березовский район (№ 14–19)									
14.	г. Березовский, пос. Первомайский	1801	118	116					
15.	г. Березовский, пос. Ленинский	314, 1801	142	141					
16.	пос. Изоплит	1003	13	13					
17.	пос. Лосиный	1003	23	23					
18.	пос. Монетный	1003	24	24					
19.	пос. Октябрьский	531	97	29		55			
Белоярский район (№ 20–22)									
20.	дер. Некрасово	84	14	14					
21.	пос. Косулино	1100	25	25					
22.	дер. Камышево	1099	19	19					
Верхнепышминский район (№ 23)									
23.	дер. Мостовское	531	18	17					
24.	пос. Зеленый Бор	531	11	3					1
Верхнесалдинский район (№ 25–26)									
25.	г. Верхняя Салда	245	13	12					
26.	пос. Басьяновский	62	1154				1154		
27.	г. Верхняя Тура	376	348	50	10	254	1		
Верхотурский район (№ 28–33)									
28.	г. Верхотурье	153	18	18					
29.	г. Верхотурье	231	19	19					
30.	дер. Карпунино	200	252	84	159				
31.	бывш. пос. Старая Березовка	200	309	296					
32.	бывш. пос. Ступино	200	408	385	2				
33.	бывш. ст. Шайтан	200	28	11	7				
34.	г. Волчанск	504	32	32					
г. Екатеринбург (№ 35)									
35.	пос. Большой Исток	314	13	11					
36.	пос. Елизавет	314	78	77					
37.	пос. Мельзавод № 3	314	49	34		12			
38.	Михайловское кладбище	1099	2	2		-			
39.	Нижнеисетское кладбище	314, 476	52	48		2			
40.	пос. УЗХМ	314	147	118	1	13			
41.	пос. Шабры	314	19	16					
42.	Ширококореченское кладбище	531	52	43	1	1			1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----

г. Ивдель (№ 43–47)

43.	г. Ивдель	Ивдельлаг	55	54					
44.	дер. Палкино	Ивдельлаг	11	11					
45.	дер. Першино	Ивдельлаг	103	102					
46.	дер. Талица	Ивдельлаг	12	12					
47.	разъезд Глухарный	Ивдельлаг	26	26					

Ирбитский район (№ 48–50)

48.	г. Ирбит	523	56	56					
49.	дер. Ретнево	523	17	17					
50.	дер. Ретнево	523	12	12					
51.	г. Каменск-Уральский	314	203	190					

г. Карпинск (№ 52–53)

52.	пос. Веселовка	504	10	7					
53.	пос. Туринка	504	96	76	1	15			
54.	г. Кировград	377	63	24	30	6			
55.	г. Кировград, пос. Левиха	377	58	26	28	2			
56.	г. Красноуральск	376	270	65	8	195			
57.	г. Краснотурьинск	504	221	208					
58.	г. Кушва	376	82	70	5	1			
59.	г. Невьянск	377	275	47	34	178			

г. Нижний Тагил (№ 60–63)

60.	пос. Рудник им. 3-го Интернационала	153	1140	593	67	261	15		
61.	пос. Рудник им. 3-го Интернационала	2929	1708	1390	125	106			1
62.	пос. Черемшанка	245	89	60		25			
63.	пос. Уралвагонзавода	245	798	620	61	25			
64.	г. Нижняя Тура	376	51	17	14	18			
65.	г. Нижняя Тура, пос. Ис	1802	56	56					
66.	г. Новая Ляля	318	82	14		68			
67.	г. Первоуральск	313, 476	177	156	3	4			

г. Полевской (№ 68–69)

68.	г. Полевской	314	97	93					
69.	пос. Зюзельский	84	9	9					

г. Ревда (№ 70–72)

70.	г. Ревда	313, 314, 476	429	178	6	204			
71.	г. Дегтярск	313	86		86				
72.	г. Дегтярск	313, 476	219	72	140				

г. Реж (№ 73–76)

73.	г. Реж	523	437	363		1			
74.	ст. Костоусово	523	20	20					
75.	ст. Крутиха	523	6	6					

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----

Серовский район (№ 77–81)

76.	дер. Алексеевка	Севераллаг	24	23					
77.	пос. Кошай	Севераллаг	92	92					
78.	ст. Новая Заря	Севераллаг	10	10					
79.	пос. Восточный	200	252	16	190				
80.	дер. Молва	200	270	15	193				
81.	пос. Сосьва	231	95	95					
82.	г. Среднеуральск	314	42	35					

Сухоложский район (№ 83–86)

83.	г. Сухой Лог	153	36	20		2			14
84.	пос. Алтынай	523	13	4					
85.	дер. Малые Таушканы	523	24	3	15				
86.	Сысертский район, г. Арамил	314	30	14		13			
87.	Тавдинский район, ст. Азанка	Восток- ураллаг	27	27					

Туринский район (№ 88–90)

88.	г. Туринск	Восток- ураллаг	26	24					
89.	ст. Поречье	428	67	65					
90.	ст. Поречье	428	12	12					

* Источник: РГВА. Ф. 1а. Оп. 1е. Д. 96. Л. 32–34. Все данные приведены по состоянию на 01.01.2001 г. До настоящего времени не установлена численность иностранных военнопленных, умерших на территории Свердловской области в 1942 г., и лишь частично приведены данные за 1943 г. Сведения о местах их захоронения в эти годы приведены фрагментарно.

Выявление иностранных воинских захоронений на местности часто сопряжено с большими трудностями. Так, в частности, обстояло дело с кладбищем лагеря № 476 в г. Асбесте, сформировавшимся в 1951–1955 гг. Как известно, к концу 1940-х гг. основная часть находившихся в Советском Союзе военнопленных была освобождена и отправлена на родину. В СССР остались лишь те, кто был осужден советскими трибуналами за совершенные в годы Второй мировой войны военные преступления. Для содержания осужденных военнопленных, а также осужденных и интернированных в СССР иностранных граждан были созданы особорежимные лагеря, в числе которых — лагерь № 476 на территории Свердловской области. Управление лагеря и три лагерных отделения находились в областном центре, другие лагерные отделения были в городах Асбесте, Дегтярске, Первоуральске и Ревде.

Спецлагерь № 476 являлся самым крупным среди 11 подобных лагерей, функционирующих в те годы на территории СССР. По данным на начало 1953 г. в Советском Союзе отбывали свои сроки 16,8 тыс. осужденных иностранных граждан, из них 7 170 — в Свердловской области.

Среди них были не только из Германии, но и также из Австрии, Бельгии, Венгрии, Голландии, Испании, Италии, Китая, Кореи, Люксембурга, Польши, Румынии, Финляндии, Югославии и других стран. Примерно четверть содержащихся в уральском лагере военнопленных составляли офицеры, находилось там и 96 пленных генералов. За время нахождения на Урале в плену 9 генералов умерли, 6 из них были похоронены на лагерьном кладбище, расположенном в окрестностях г. Асбеста. По данным «генеральской» картотеки РГВА на данном кладбище среди прочих были захоронены командир 113-й пехотной дивизии вермахта генерал-лейтенант фон Армин, командир 246-й пехотной дивизии генерал-майор фон Штайн Либенштайн, генералы фон Бюлов, В. Гебб, И. Рупрехт и фон Штрахвитц²⁵.

В 1950-х гг. данное кладбище находилось под надзором органов МВД, однако впоследствии оно оказалось в зоне ведения горных работ и в результате изменения характера прилегающей местности было утеряно. Поиски данного захоронения включали в себя выявление в областном архиве УВД кладбищенской документации, поиск в архивах треста «Урал-асбест» картографических материалов и привязки на новых картах к нужному месту с учетом неоднократно менявшейся за эти годы квартальной сетки. В ходе поисковых работ опрашивалось местное население, прочесывались окрестные леса, на протяжении недели проводилась шурфовка наиболее перспективных участков, что и позволило в конце концов в 16-м лесном квартале Асбестовского лесничества обнаружить кладбище шестого отделения лагеря № 476.

Проведенное автором данной статьи на протяжении 1990-х гг. сплошное обследование всего массива иностранных воинских захоронений на территории областей Уральского региона и прилегающих к ним территорий показало, что и теперь, спустя 55 лет после окончания Второй мировой войны, 3/4 кладбищ в той или иной степени сохранились. Причин этому несколько. Во-первых, Урал — это тыловой район, здесь не было военных действий, оккупации, в результате отношение к военнопленным и их могилам здесь было иным, чем на западе страны. Во-вторых, следует учитывать состав населения края, источники его формирования, поскольку немалую часть жителей региона составляли люди, сами пострадавшие от существовавшего режима и находившиеся на Урале в ссылке или заключении. В-третьих, из-за меньшей по сравнению с более освоенными западными районами плотности населения на Урале многие захоронения просто не оказались в зоне хозяйственной деятельности.

Примерно такая же картина наблюдается и в Свердловской области. При этом следует отметить, что факт сохранности означает, что данное захоронение не оказалось в зоне хозяйственной деятельности и даже в

случае отсутствия могильных холмиков после уточнения границ захоронения его можно восстановить. Уход за данными кладбищами местными властями, как правило, не осуществлялся. Единственным исключением был участок захоронения военнопленных на Нижнеисетском гражданском кладбище в г. Екатеринбурге. В начале 1980-х гг. за счет местных властей участок захоронения военнопленных был приведен в порядок, и уход за ним осуществлял городской трест похоронного обслуживания. Таким образом, это было единственное из иностранных воинских кладбищ периода Второй мировой войны на территории Свердловской области, которое содержалось в порядке (следует отметить, что в относительном порядке содержалось и немецкое кладбище в г. Артемовском). Причина особого внимания властей к участку захоронения военнопленных на Нижнеисетском кладбище заключалась в том, что его планировалось показывать приезжающим в город иностранным делегациям. Однако в конце 1980-х гг. на участке захоронения военнопленных был совершен акт вандализма, и большинство установленных на нем бетонных надгробий оказались разрушенными.

Тем не менее многие кладбища на Урале не сохранились, в первую очередь те из них, которые находились в городской черте крупных промышленных центров: Бузулук, Верхний Уфалей, Ирбит, Киров, Краснотурьинск, Кушва, Магнитогорск, Невьянск, Нижний Тагил, Оренбург, Пермь, Сатка, Соликамск, Челябинск и др. Рост этих городов привел к новой застройке, под которую попали и отечественные, и иностранные кладбища.

В 1993 г. в соответствии с межправительственным соглашением с Германией в России началось благоустройство иностранных воинских кладбищ периода Второй мировой войны. Были восстановлены воинские кладбища в городах Красногорске и Люблино Московской обл., Великие Луки Псковской области, Суздаль Владимирской обл., Сестрорецке Ленинградской обл., Великом Новгороде Новгородской области и др. На территории Урала благоустройство иностранных воинских захоронений началось в 1995 г., когда было благоустроено кладбище интернированных немецких женщин, расположенное в лесу в районе поселке Изоплит г. Екатеринбурга. В последующие пять лет на Среднем Урале за счет германской стороны, которую представляет расположенный в г. Касселе Народный союз Германии по уходу за военными могилами, было восстановлено еще 17 кладбищ. Среди них кладбища в городах Алапаевске, Асбесте, Артемовском, Березовском, Дегтярске, Екатеринбурге, Каменске-Уральском, Нижнем Тагиле, Первоуральске, Реже и др.

Первоначально все работы велись немецкой стороной как заказчиком через московскую организацию «Военные мемориалы». В последние годы в соответствии с межправительственным соглашением между РФ и

ФРГ Народный союз Германии по уходу за военными могилами в рамках действующего российского законодательства проводит значительную часть благоустроительных и эксгумационных работ непосредственно на территории субъектов Российской Федерации без участия посредников.

Одновременно на территории России, а также Белоруссии и Украины началась работа по установлению мест захоронений итальянцев. После их выявления боевые захоронения военнослужащих итальянской армии вскрывались, останки захороненных там людей эксгумировались и в специальных цинковых гробах отправлялись на родину. В настоящее время эксгумированы, идентифицированы и отправлены в Италию останки нескольких тысяч военнослужащих итальянской армии. Что касается захоронений итальянских военнопленных, то из-за сложности идентификации останков, захороненных в 1943–1944 гг. в братских в могилах, было принято решение эксгумацию не проводить, а на местах их захоронения установить памятные знаки. В Свердловской области один такой знак еще в 1994 г. был установлен в поселке Рудник им. Третьего Интернационала около г. Нижнего Тагила, второй — в поселке Басьяновский Верхнесалдинского района, где захоронено свыше тысячи итальянцев.

В марте 1995 г. в г. Москве правительствами Российской Федерации и Венгерской Республики было подписано соглашение об увековечивании памяти павших военнослужащих и гражданских жертв войны и статусе захоронений. В соответствии с ним стороны через уполномоченные ими органы обязались информировать друг друга о наличии и местонахождении российских воинских захоронений в Венгрии и венгерских захоронений в России. При этом стороны согласились также обмениваться данными о погибших в боях военнослужащих, умерших в плену, а также лицах, насильственно вывезенных на принудительные работы, и о местах их погребения на территории своих государств. Стороны обязались обеспечить защиту и право бессрочного сохранения российских и венгерских воинских захоронений, включая памятники и мемориальные объекты, расположенные в России и Венгрии. В соглашении указывалось, что каждая сторона за свой счет обеспечивает на территории своего государства содержание и уход за воинскими захоронениями другой стороны, включая памятники и другие мемориальные объекты²⁶.

Анализ сохранившихся архивных материалов свидетельствует, что умершие на территории Свердловской области военнослужащие венгерской армии захоронены на 33 воинских кладбищах. Большинство этих кладбищ — интернациональные, однако среди них имеются и чисто венгерские захоронения. В настоящее время по венгерской программе на Среднем Урале восстановлены кладбища в городах: Верхняя Тура, Екатеринбург, Красноуральск, Нижний Тагил, Новая Ляля и Ревда. Кроме

того, на местах захоронения венгерских военнослужащих в области по состоянию на начало 2001 г. установлено 18 памятных знаков.

В марте 1995 г. между правительствами России и Венгрии был также подписан Протокол об использовании части задолженности бывшего Союза Советских Социалистических Республик Венгерской Республике для обустройства венгерских воинских захоронений на территории России. Стороны договорились о том, что погашение долга будет осуществляться в рамках предоставления некоторых видов услуг нетоварного характера, а также проведения работ по эксгумации, переносу останков и обустройству венгерских воинских захоронений в России²⁷.

Обследование мест захоронений военнопленных Второй мировой войны показало, что на территории восточных районов России можно благоустроить далеко не все иностранные воинские кладбища. Часть из них оказалась в городской черте и в настоящее время не сохранилась, другие, наоборот, расположены в глухой тайге в тех местах, где активно велись лесозаготовки и торфоразработки. В военные и первые послевоенные годы крупномасштабные лесозаготовительные работы осуществлялись в северных и северо-восточных районах Свердловской области, особенно в Новолялинском районе. Там дислоцировался «лесной» лагерь № 318, основную часть его контингента составляли венгры. Первое отделение лагеря размещалось в г. Новая Ляля, остальные три — в отдаленных лесных районах.

Особую сложность в работе по эксгумации останков представляли кладбища военнопленных, расположенные в 54-м и 88-м лесных кварталах Новолялинского лесничества в 20–25 км от ближайшего жилья, в глухой болотистой тайге. Труднодоступность обнаруженных там венгерских кладбищ значительно усложняла и удорожала стоимость благоустроительных работ. При этом осуществлять регулярный уход за данными кладбищами в случае их восстановления было бы практически невозможно. В этой ситуации венгерская сторона согласилась с предложениями российской стороны и приняла решение о проведении эксгумаций двух этих кладбищ и перезахоронении обнаруженных останков на благоустроенном иностранном воинском кладбище в г. Новая Ляля.

Работы по эксгумации останков военнопленных венгерской армии были проведены нами во второй половине августа 1998 г. Это единственное возможное время для ведения этих работ на данной территории. До середины августа здесь очень опасен энцефалитный клещ, в сентябре же начинаются частые дожди, переходящие в снег. Труднодоступный характер местности обусловил невозможность применения землеройной техники, и все работы проводились вручную. Оба кладбища сильно заросли травой, кустарником и деревьями, поэтому перед началом эксгумации для определения границ захоронений были проведены работы по расчи-

стке территории. После этого выяснилось, что на каждом кладбище просматриваются только 3–4 могилы. Поэтому применяемая при поиске остальных захоронений методика заключалась в пробивании неглубоких траншей и определении по вертикальному срезу участков перемешанного грунта, а также выявлении следов золы. Судя по датам смерти, большинство захоронений были зимними, и при копке могил для оттаивания грунта жгли костры²⁸.

Проведенная таким образом эксгумация останков военнослужащих венгерской армии показала, что все умершие были захоронены в гробах на глубине 1,2–1,8 метра. Грунт на кладбищах был очень тяжелый — сырая глина, поэтому гробы хорошо сохранились, часть из них пришлось даже вскрывать. Работы непосредственно на местности показали, что составляемые работниками МВД кладбищенские схемы часто бывают не совсем точными и дают лишь ориентировочные координаты как самого захоронения, так и расположенных на нем могил. Так, если на захоронении военнопленных в 88-м лесном квартале архивная схема расположения могил в целом соответствовала их реальному нахождению на кладбище, за исключением одной, расположенной в десяти метрах в стороне, то в 54-м квартале — нет. Число рядов оказалось меньшим, чем это было указано на схеме, в первом из них находились останки не пяти, как по схеме, а девяти человек. Таким образом, в ходе эксгумационных работ были обнаружены останки 31 венгерского военнопленного из 32 числившихся по списку. Останки были помещены в специальные пластиковые мешки, маркированы и захоронены на иностранном воинском кладбище в г. Новая Ляля. Эксгумационные работы на оставшемся на территории Новолялинского района еще одном венгерском кладбище были осуществлены в 1999 г.²⁹

За годы Второй мировой войны в советском плену оказалось 4,1 млн. военнослужащих иностранных армий, в том числе и 640,0 тыс. человек из состава японской армии. Основная часть военнопленных японцев была размещена на Дальнем Востоке, однако примерно полтысячи из них были направлены на Средний Урал. Здесь они находились в составе отдельных рабочих батальонов МО СССР № 428 и № 435. За время нахождения в плену 54 японца умерли и были захоронены на семи кладбищах военнопленных, расположенных в различных городах и районах области. Японские военнопленные были захоронены в городах: Алапаевске (1), Артемовском (6), Екатеринбурге (1), Нижнем Тагиле (18), Сухом Логе (20), а также в поселке Зеленый Бор Верхнепышминского района (1) и на станции Поречье Туринского района (7)³⁰.

Проблемой захоронений военнослужащих японской армии, погибших в годы Второй мировой войны, на протяжении многих лет занимается специальный отдел Министерства здравоохранения и благосостояния

Японии. Японская сторона настаивает на возвращении останков военнослужащих на родину, и такого рода работы достаточно активно проводятся на территории Сибири и Дальнего Востока. Там захоронено свыше 50,0 тыс. военнопленных японцев из состава Квантунской армии. Первые шаги по решению данной проблемы на территории Урала были предприняты японской стороной весной 1995 г., когда в г. Екатеринбург для установления контактов с местными администрациями и выяснения возможностей ведения эксгумационных работ прибыла официальная японская делегация. После этого в августе 1995 г. на кладбище военнопленных спецгоспиталя № 2929 в поселке Рудник им. Третьего Интернационала г. Нижнего Тагила был проведен весь комплекс необходимых работ.

Кладбище спецгоспиталя № 2929 МВД СССР представляло собой расположенный на окраине города в лесу и сильно заросший кустарником участок площадью 1,7 га, на котором было захоронено 1 725 человек. Перед проведением эксгумации были сделаны необходимые согласования с местными органами власти и санитарно-эпидемиологической службой. Изучение сохранившихся картографических материалов и опрос немногочисленных старожилов позволили установить приблизительный участок захоронения японцев и произвести его расчистку. После этого стали отчетливо видны ряды могил, что позволило по схеме определить те из них, в которых предположительно были захоронены японцы³¹.

Местность, на которой производились эксгумационные работы, оказалась сильно заболоченной, на глубине 50–70 см появлялась вода. Что касается останков, то они были захоронены на глубине 1,8–2,0 метра в деревянных гробах. Вскрытие показало, что специфический характер местности обеспечил сохранность не только гробов, которые для извлечения останков пришлось вскрывать, но и мягких тканей. В ходе работ выяснилось, что кладбищенская схема в основном соответствует месту нахождения останков, что позволило обнаружить захоронения 17 человек. Что касается еще одного военнослужащего японской армии, то в указанной на кладбищенской схеме могиле оказались останки европеоида. Вскрытие находившихся рядом могил, а также могил всех тех, кто умер в один день с разыскиваемым, не принесло ожидаемых результатов.

Обнаруженные останки складывались в специальные пластиковые мешки, которые маркировались и передавались присутствующему на эксгумации судмедэксперту. Последний проводил их идентификацию, сравнивая обнаруженные костные останки с данными истории болезни. После завершения эксгумационных работ и идентификации останков в одном из цехов НТМК была проведена их кремация, и в торжественной обстановке останки были переданы японской стороне, проводшей церемонию поминаения³².

В сентябре 1999 г. в Свердловскую область прибывает очередная делегация Министерства здравоохранения и благосостояния Японии. Целью десятидневного визита было выяснение возможностей проведения эксгумационных работ на других иностранных воинских кладбищах и пробных выемок грунта на перспективных участках для определения наличия там костных останков. В ходе поездки были осмотрены все оставшиеся на Среднем Урале места захоронений японских военнопленных. Результаты осмотра были в целом неутешительны. Так, осмотр места захоронения в поселке Зеленый Бор Верхнепышминского района показал, что в настоящее время на месте кладбища вырос лес и находится коллективный сад. Могильные холмики не сохранились, в результате в случае вскрытия всего участка, во-первых, неизбежно будут потревожены останки других захороненных здесь военнопленных, а во-вторых, будут повреждены расположенные на участке деревья. Поскольку по классификации специалистов лесного хозяйства лес, расположенный в пригородной зоне, относится к лесам первой группы, то получение разрешения на его вырубку — достаточно сложная и длительная процедура. Невозможным оказалось проведение эксгумационных работ и на Широкореченском кладбище в Екатеринбурге: в настоящее время на месте могил военнопленных там произведены повторные захоронения. С аналогичной ситуацией делегация столкнулась и в г. Артемовском. Что касается кладбища иностранных военнопленных в г. Алапаевске, то хотя оно и сохранилось, однако схема захоронения была сделана некачественно. Это не позволило определить нужное захоронение и сделать выборочное вскрытие³³.

Наиболее перспективными для ведения эксгумационных работ были кладбища военнопленных, расположенные в Сухоложском и Туринском районах. Это объясняется, во-первых, большим числом захороненных, что увеличивало площадь подлежащих выявлению участков, а во-вторых, оба они находились вне пределов городской черты, не вводились в хозяйственный оборот и, следовательно, имели больше шансов сохраниться. В Сухоложском районе отдельное японское кладбище располагалось недалеко от районного центра возле станции Кунара. Место захоронения было определено на основании многочисленных показаний очевидцев, которые не противоречили кладбищенской схеме, составленной лишь приблизительно. Могильные холмики на данном участке не сохранились. Проводимые на протяжении двух дней интенсивные поисковые работы, заключающиеся в прокладывании на территории предполагаемого места захоронения с помощью двух экскаваторов траншей с интервалом в три метра и глубиной до двух метров и устройстве шурфов на наиболее перспективных для обследования участках не принесли ожидаемого результата.

Полученные по итогам поисковых работ в Сухоложском районе результаты позволяют сделать вывод о том, что, по-видимому, указываемое местными жителями кладбище иностранных военнопленных являлось муляжным, сами же они были захоронены где-то в другом месте. В пользу данного вывода свидетельствует тот факт, что в сохранившейся объяснительной записке начальника расположенного в этом районе лагеря военнопленных № 153 отмечалось, что кладбищенская документация по отдельному рабочему батальону и местонахождение захоронения японцев ему не известно. Однако в более позднем документе, датированном октябрём 1949 г., отмечается, что на всех могилах, в которых захоронены японцы, имеются опознавательные знаки, а само кладбище огорожено. Спустя еще три года это устроенное, по-видимому, для отчетности кладбище, которое и видели местные жители, было распахано. В пользу данного вывода говорит наличие подобных захоронений в других районах страны, в частности в Кировской области, и проведенные спустя 50 лет поисковые работы делают данное предположение достаточно весомым³⁴.

Не увенчались успехом и поиски японского кладбища в Туринском районе в пяти километрах севернее станции Поречье. Кладбище располагалось в заболоченной лесистой местности, и еще в 1952 г. контролирующими состояние иностранных захоронений работниками областного управления МВД оно обнаружено не было. Весьма приблизительно, практически без четких ориентиров была составлена и кладбищенская схема, дающая очень приблизительное место его нахождения. Проведенные с привлечением местного поискового отряда «Тайфун» работы, заключающиеся в закладке в наиболее перспективных местах шурфов, широко применении бура и специальных шупов также не принесли положительных результатов³⁵.

Все вышеуказанное позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время на территории Свердловской области из 54 захороненных военнослужащих японской армии удалось эксгумировать, идентифицировать, кремировать и отправить на родину останки 17 человек. Поиски остальных не представляются возможными без каких-либо дополнительных сведений, получение которых в настоящее время представляется маловероятным. В связи с этим реализацию программы по эксгумации останков военнослужащих японской армии на территории Среднего Урала можно считать завершённой³⁶. Подтверждением данного вывода является и очередной визит в область японской делегации. Прибывшая в сентябре 2000 г. делегация заключила договор с администрацией г. Нижнего Тагила об установке памятника японским военнопленным, умершим в первые послевоенные годы в уральских лагерях. Памятный знак предполагается установить на территории кладбища спецгоспиталя № 2929 МВД СССР, расположенного в пос. Рудник им. Третьего Интернационала

г. Нижнего Тагила. В этом госпитале, перебазированном в 1945 г. на Урал с Дальнего Востока, в 1947–1948 гг. лечились и многие военнослужащие японской армии.

Имеются на территории Свердловской области и захоронения военнослужащих финской армии. В соответствии с подписанным в июле 1992 г. в г. Хельсинки соглашением между правительствами Российской Федерации и Финляндской Республики о сотрудничестве в увековечении памяти российских (советских) военнослужащих в Финляндии и финских военнослужащих в России, погибших в период Второй мировой войны, в сентябре 1998 г. в г. Асбест приезжала представительная делегация из Финляндии. Целью этого визита было открытие памятного знака на кладбище военнопленных лагеря № 84, где предположительно находятся останки 63 военнослужащих финской армии.

Таким образом, в настоящее время на территории Свердловской области за счет средств иностранных государств — Италии, Венгрии, Германии и Финляндии — было благоустроено 23 иностранных воинских кладбища. Кроме того, на месте захоронения иностранных военнослужащих установлено 20 памятных знаков. Помимо благоустроительных работ, на территории Среднего Урала неоднократно проводились и работы по эксгумации останков военнослужащих иностранных армий, их перезахоронению или отправке на родину.

В целом представляется, что выявление, благоустройство и обеспечение сохранности иностранных военных могил в России имеет и важное политическое, гуманистическое и экономическое значение. Восстановление иностранных воинских захоронений (проводимое к тому же за счет заинтересованных государств) позволит многим семьям из Австрии, Венгрии, Германии, Италии, Финляндии и других стран посещать, как это принято в цивилизованных странах, могилы своих близких. Это будет способствовать укреплению доверия между государствами и их народами, облегчит налаживание отношений в различных сферах и обеспечит сохранность советских военных могил в Европе.

¹ См.: *Галицкий В.П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997; *Конатов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: Очерки и документы. Вологда, 1996; *Karner S.* Im Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion, 1941–1945. Wien; München, 1995.

² См., например: *Ерин М.Е.* О судьбе захоронений немецких военнопленных в Ярославской области // Проблемы военного плена: История и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Вологда. Ч. 1. Вологда, 1997. С. 144–149; *Лебедев В.Г.* О судьбе иностранных военных захоронений в России // Там же. С. 138–144; *Мотревич В.П.* Иностранные воинские захоронения в Свердловской области // Там же. С. 149–154; *Он же.* Новые материалы по истории военнопленных Второй мировой войны // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. Екатеринбург, 1992. С. 85–86; *Он же.* Эксгумация останков японских военнопленных в Оренбургской области // Урал в прошлом и настоящем: Матер. науч. конф. Ч. 1.

- Екатеринбург, 1998. С. 469–471; *Мотревич В.П., Суржикова Н.В.* Захоронения интернированных иностранных граждан и военнопленных Второй мировой войны на Урале (состояние источниковой базы) // Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политический репрессий в пределах СССР. Нижний Тагил, 2000. С. 103–106; и др.
- ³ См.: Бюллетень международных договоров. 1996. № 12. С. 31–32.
- ⁴ См.: Там же. № 10. С. 61–63.
- ⁵ См.: Собрание законодательных актов Российской Федерации. 1995. № 4. С. 538–539.
- ⁶ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 54. Л. 144.
- ⁷ См.: Архив Администрации губернатора и правительства Свердловской области. Распоряжение правительства Свердловской области от 26 июня 1992 г. № 197-рп «Об установлении мест захоронений иностранных граждан».
- ⁸ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 5845. Л. 62–64.
- ⁹ См.: Постановление главы администрации Свердловской области от 10 ноября 1994 г. № 546 «Об утверждении программы подготовки и проведении празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Архив администрации губернатора и правительства Свердловской области.
- ¹⁰ См.: РГВА. Ф. 1 и/п. Оп. 17, 18, 40, 49, 55, 58, 59.
- ¹¹ См.: Там же. Ф. 4 п. Оп. 19–21.
- ¹² См.: Там же. Оп. 22, 23.
- ¹³ См.: Там же. Оп. 25–29.
- ¹⁴ См.: Там же. Ф. 1 п. Оп. 465, 466, 475, 477.
- ¹⁵ См.: Там же. Ф. 1а. Оп. 1е. Д. 96. Л. 32–34.
- ¹⁶ См.: Там же. Ф. 1п. Оп. 05 е. Д. 1852. Л. 2–13; Д. 1847. Л. 3–11; Д. 1890. Л. 3–19; Д. 1905. Л. 5–22; Д. 1933. Л. 2–9; Д. 1935. Л. 2–9.
- ¹⁷ См.: Там же. Ф. 1 е. Оп. 15. Д. 341. Л. 26.
- ¹⁸ См.: Там же. Л. 26–27.
- ¹⁹ См.: Там же. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 1935. Л. 2–9.
- ²⁰ См.: Там же. Ф. 1 е. Оп. 15. Д. 27–28.
- ²¹ См.: Там же. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 1905. Л. 3–21.
- ²² См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56.
- ²³ См.: ГАРФ. Ф. 1 а. Оп. 1 е. Д. 96. Л. 32–34.
- ²⁴ См.: Там же. Ф. 1 е. Оп. 15. Д. 341. Л. 26.
- ²⁵ См.: Ф. 1 т. Оп. 13. Д. 6. Л. 4; Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Д. 14. Л. 5–6; *Мотревич В.П.* Военнопленные немецкие генералы на Урале // Архивы Урала. 1996. № 2 (4). С. 226–228.
- ²⁶ См.: Бюллетень международных договоров. 1996. № 12. С. 31–32.
- ²⁷ См.: Там же. С. 32.
- ²⁸ См.: *Мотревич В.П.* Эксгумация останков венгерских военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области // Урал индустриальный: Третья Региональная научная конференция. Екатеринбург, 1999. С. 120.
- ²⁹ См.: Там же. С. 120–121.
- ³⁰ См.: РГВА. Ф. 1. п. Оп. 05-е. Д. 1852. Л. 2–13; Д. 1911. Л. 4, 57; Д. 1926. Л. 3–6 об., 13, 14, 16; Д. 1927. Л. 2–6; Д. 1928. Л. 4–10; Д. 1930. Л. 2–4.
- ³¹ См.: *Мотревич В.П.* О результатах эксгумации японских военнопленных на кладбище спецгоспиталя 2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области // Ценности и идеология в современной России: Тезисы докладов. Екатеринбург. 1996. С. 86–88.
- ³² См.: Там же. С. 89.
- ³³ См.: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 1928. Л. 4–8.
- ³⁴ См.: Там же. Д. 1852. Л. 2–13.
- ³⁵ См.: Там же. Д. 1927. Л. 2, 3, 5, 6.
- ³⁶ См.: *Мотревич В.П.* Японские воинские захоронения в Свердловской области: современное состояние и перспективы эксгумации // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Екатеринбург, 1999. С. 51–52.